

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ТРУДЫ V (XXI) ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА
в Барнауле–Белокурихе**

Сборник научных статей

Том I

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2017

УДК 902(08)
ББК 63.4я43
Т782

Ответственные редакторы:
академик РАН А.П. Деревянко;
доктор исторических наук, профессор А.А. Тишкин

Редакционная коллекция тома:
В.В. Бобров, С.А. Васильев, А.А. Выборнов, К.Н. Гаврилов, А.Н. Гей,
А.В. Епимахов, Ю.Ф. Кирюшин, В.Е. Медведев, Р.А. Мимоход,
Л.Н. Мыльникова, Н.М. Чаиркина, М.В. Шуньков

Т782 **Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе** [Текст] : сборник научных статей / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин.
– Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. – Т. I. – 364 с.
ISBN 978-5-7904-2228-7

В первом томе сборника статей отражены результаты докладов, вошедших в программу V (XXI) Всероссийского археологического съезда, который состоялся в Барнауле–Белокурихе в октябре 2017 г. В нем представлены публикации по следующим разделам, отражающим изучение эпохи камня и бронзы: «Формирование и развитие культурных традиций в палеолите и мезолите», «Культурные процессы в неолите», «Проблемы энеолита, ранней, развитой и поздней бронзы».

Издание рассчитано на археологов и историков, а также специалистов смежных и естественнонаучных дисциплин.

*Сборник научных статей подготовлен и издан при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (проект №17-01-14048)*

УДК 902(08)
ББК 63.4я43

ISBN 978-5-7904-2228-7

© Издательство Алтайского государственного
университета, оформление, 2017

**Организаторы V (XXI) Всероссийского археологического съезда,
посвященного 180-летию со дня рождения В.В. Радлова
(Барнаул–Белокуриха, 1–8 октября 2017 г.)**

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Оргкомитет V (XXI) Всероссийского археологического съезда

Председатель:

академик РАН А.П. Дервянко – научный руководитель
Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

Сопредседатели:

академик РАН Н.А. Макаров – директор Института археологии РАН,
чл.-корр. РАН Е.Н. Носов – научный руководитель Института материальной культуры РАН,
д.ю.н. С.В. Землюков – ректор ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Заместители сопредседателей:

чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков – зам. директора ИА РАН;
чл.-корр. РАН М.В. Шуньков – директор ИАЭТ СО РАН;
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин – почетный профессор АлтГУ;
д.и.н. В.А. Лапшин – директор ИИМК РАН;
д.и.н. А.А. Тишкин – заведующий кафедрой АЭМ АлтГУ

Члены Оргкомитета – академик РАН А.П. Бужилова, академик РАН В.И. Молодин,
академик РАН В.Л. Янин, чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН Л.А. Беляев,
чл.-корр. РАН Н.Н. Крадин, чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев, чл.-корр. РАН Н.В. Полосьмак,
чл.-корр. РАН Вл.В. Седов, чл.-корр. РАН Е.Н. Черных, д.и.н. А.Н. Алексеев,
д.и.н. В.В. Бобров, д.и.н. М.С. Гаджиев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет, д.и.н. А.В. Епимахов,
д.и.н. А.И. Кривошапкин, д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. Д.Г. Савинов,
к.и.н. Л.В. Седикова, д.и.н. А.Г. Ситдииков, д.и.н. Н.М. Чаиркина,
зам. Председателя Правительства Алтайского края Н.А. Капура

Секретариат Оргкомитета – к.и.н. Г.Г. Король, к.и.н. О.И. Новикова, к.и.н. Д.В. Папин

Библиографический список

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 19–64.

Поляков А.В. Объекты за пределами оград курганов окуневской культуры // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. I. С. 478–481.

Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2009. Вып. 5. С. 20–56.

© 2017, А.В. Поляков¹, Ю.Н. Есин²

¹Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург;

²Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан

КУРИЛЬНИЦА С АНТРОПОМОРФНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ИЗ РАННЕОКУНЕВСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ИТКОЛЬ-II

Работа выполнена при финансовой поддержке РГО
(проект №26/2016-И «Тайны древних художников Сибири»)

В 2016–2017 гг. Саянской экспедицией ИИМК РАН проведены раскопки кургана №12 могильника Итколь-II на территории Ширинского района Республики Хакасия. Судя по размерам (28×28 м) и особенностям конструкции, он относится к числу элитарных погребальных сооружений раннего (уйбатского) этапа окуневской культуры и уступает по величине лишь кургану Тас-Хазая.

Могила 3 была впущена в центральную часть уже существующей насыпи кургана к западу от основной оси. Ее край слегка перекрывает центральное погребение. Конструктивно могила представляет собой овальную яму с заплечиками, ориентированную по оси ЮЗ–СВ с небольшим отклонением к западу. На уровне заплечиков устроено продольное деревянное перекрытие, сохранившееся фрагментарно. Верхняя часть ямы была заполнена крупными плитами. Длина ямы по дну – 1,75 м, ширина «в головах» – 0,8 м, «в ногах» – 0,6 м, глубина от заплечиков – 0,8 м.

В могиле – два погребения, совершенные с небольшим хронологическим разрывом (рис. 1). Первоначально здесь была захоронена женщина 35–45 лет, находившаяся на поздней стадии беременности. На костях таза сохранились косточки плода. Она была уложена в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Ноги не были согнуты в коленях, как предписывает окуневская традиция, вероятно, в связи с беременностью. Погребение сопровождали разнообразные артефакты: «У»-образный предмет из рога козули, костяной игольник с двумя миниатюрными иглами с ушком, серия подвесок из клыков животных. В восточном углу располагались окрашенный красной краской плоскодонный сосуд и ритуальная чаша на поддоне – «курильница» (рис. 2). Внутри сосуда находились две тонкие полированные костяные пластины из ребра животного. С одной стороны они были заострены. Еще две аналогичные пластины значительно большего размера находились в северо-восточной части могилы. Под курильницей найдены медные скобки, а рядом – нож с треугольным лезвием и черешковым насадом.

Несколько позднее в могиле было совершено погребение ребенка 7 лет. Он был положен на правом боку, поверх левых руки и ноги женщины, головой на юго-запад. При этом первоначальное погребение было частично потревожено: у женщины сломаны правое предплечье и левое бедро, сосуд и курильница опрокинуты и раздавлены. Погребение ребенка сопровождал бронзовый игольник, на основании чего можно предположить, что захоронена девочка. Ее одежда была расшита многочисленными подвесками из зубов различных животных (олень, медведь, волк и др.), бисером и каменными бусами. Также были обнаружены два костяных кольца с насечками и пронизка из позвонка рыбы.

Могила 3, как и весь курган, может быть уверенно датирована ранним, уйбатским этапом окуневской культуры. На это указывают ее конструкция в виде ямы с заплечиками, характерный сосуд, а также нож с черешковым насадом и костяные колечки с насечками по краю [Лазаретов, 1997]. Подтверждает данную точку зрения радиоуглеродная дата, полученная по остаткам деревянного перекрытия: Ле-11434 – 3940±50. После калибровки (OxCal 4.2.4 на основании кривой IntCal 13) эта могила с вероятностью

95,4% может быть отнесена к 2573–2291 гг. до н.э., что хорошо сочетается с современными данными о хронологии раннего этапа окуневской культуры [Поляков, Святко, 2009, с. 27–29, рис. 4].

Одной из наиболее интересных находок оказалась курильница. Она была повреждена при захоронении ребенка и сохранилась частично, тем не менее может быть почти полностью реконструирована (рис. 3). Ее высота – около 10,4 см, диаметр чаши – около 16 см, поддона – 10,7 см, цвет поверхности – красновато-коричневый. В одной из стенок чаши имелись два сквозных отверстия (диаметром не менее 3 мм). Этот участок обособлен от остальной емкости изогнутой перегородкой. На внешней стороне чаши, противоположной отсеку с отверстиями, прочерчен рисунок антропоморфного лика. Показан контур лица, разделенный горизонтальной линией на два яруса, два глаза и рот. С внешней стороны контура имеются рельефные рога быка (каждый рог изображен двумя линиями по контуру). В такой же технике между рогов изображен вертикальный стержень. На концах рогов имеется по одной «подвеске» в виде вертикальной линии с овальной ямкой возле кончика. По бокам лика в стороны и вверх отходят по четыре линии с овальными ямками возле концов. Слева и справа от этого лика прочерчено еще два подобных образа. У них тоже двухъярусная внутренняя структура, по два глаза и по четыре линии по бокам с ямками возле концов, но изображения сверху контура различны: у одного образа имеются рога быка с подвесками и пять вертикальных линий между ними, у другого – семь вертикальных линий, а рога отсутствуют. По верхнему срезу стенок чаши радиально нанесены овальные вдавления, аналогичные вдавлениям у кончиков линий-лучей ликов. С внешней стороны поддона прочерчено 36 вертикальных линий.

Изображения на курильнице заслуживают специального анализа сразу в нескольких аспектах. Они касаются стиля, хронологии, правил организации композиции, сопоставления с материалами наскального искусства Минусинской котловины для идентификации образов, прагматики изображений, инокультурных аналогий.

Стиль и хронология. Все лики на сосуде объединяют такие признаки, как одна горизонтальная линия между глазами и ртом, наличие только двух глаз, линии-лучи с обособленными ямками возле концов или без таковых. Характерно также использование линий с ямками в качестве подвесок на кончиках бычьих рогов. Набор таких признаков обнаруживает серию параллелей среди изображений на каменных стелах и скалах Минусинской котловины. В частности, стиль изображения ликов на сосуде находит ближайшие аналоги на стелах и плитах раннеокуневского времени из курганов Тас-Хазаа (рис. 4.-3), Большое кольцо (рис. 4.-4), на ряде каменных стел из различных частей Минусинской котловины (рис. 4.-2) [Есин, 2008, табл. I]. Близкий лик с подвесками на концах рогов быка нарисован краской на Шалаболинской писанице (рис. 4.-5). Благодаря находке в датированном погребении могильника Итколь-II возраст этой стилистической группы теперь становится более ясен – около 25–23 вв. до н.э. Отнесение погребения и всего инвентаря к раннеокуневскому этапу снимает высказывавшуюся некоторыми исследователями гипотезу о принадлежности подобных изображений к афанасьевской культуре.

Композиция. Изображения на курильнице представляют собой созданную по единому замыслу композицию. Композиции довольно редки на окуневских стелах и среди наскальных рисунков. Обычно изображался лишь один образ, к которому обращались в ходе обряда. Важно разобраться, какое место в композиции занимает каждый лик, каковы правила ее построения. Поскольку изображения нанесены на сосуде, их размещение тесно связано с его конструкцией и способом использования. Важный элемент конструкции чаши – отсек с двумя отверстиями в стенке. Через отверстия пропускался ремешок или веревочка, с помощью чего можно было подвесить сосуд, привязать его к стеле и т.п. Помимо этого, отсек мог служить ручкой [Есин, 2010, с. 63]. С учетом такого способа использования сосуда, та его часть, которая противоположна отсеку с отверстиями в стенке, – это его лицевая часть. Значит, нарисованный на этой части сосуда лик с рогами и наименьшим количеством лучей – это центральный образ трехчастной композиции с асимметричными боковыми образами. Опыт изучения подобных композиций в искусстве эпохи бронзы Саяно-Алтая свидетельствует, что они строятся на противопоставлении признаков боковых образов, а центральный выполняет связующую роль [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 34].

Идентификация образов. Композиция на курильнице объединяет три образа, обладающих как общими признаками, так и отличными. Все они имеют лучи, но при этом являются разными персонажами. Крайний левый лик, у которого нет рогов быка, можно назвать классическим «солнцеголовым» божеством окуневского искусства. Он сопоставим с изображениями на многих стелах окуневской культуры [Есин, 2008, табл. I.-2–9, 12].

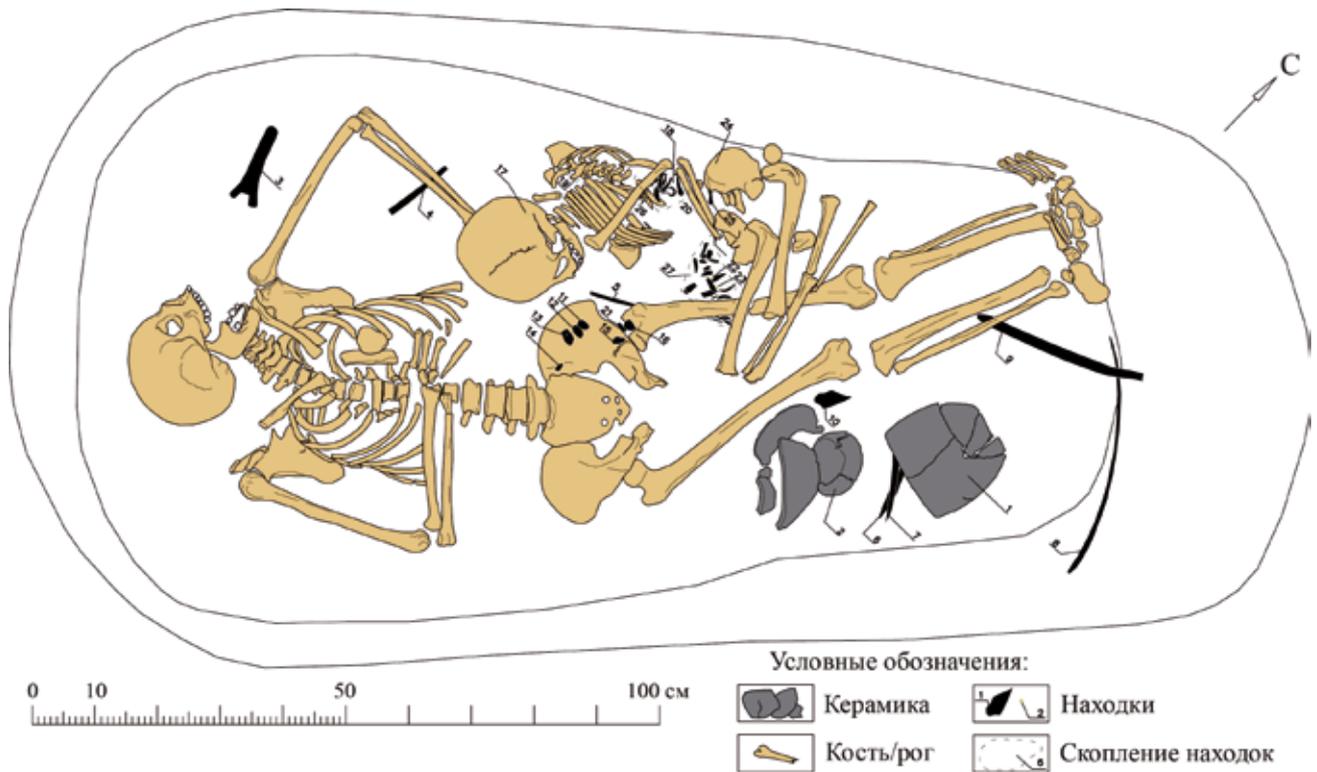

Рис. 1. Итколь-II, курган №12, план могилы 3

Рис. 2. Фото курильницы *in situ*

Идентификация двух других ликов, сочетающих лучи с рогами быка, более сложна. Подобных изображений в окуневском наскальном искусстве немного (рис. 4). Среди них специально отметим изображение на фрагменте стелы из заполнения могилы 10 того же кургана, где найдена курильница (рис. 4.-1). При этом следует учесть, что одинаковое количество лучей по бокам контура головы имеется у всех трех образов курильницы, т.е. в данной композиции они не являются признаком, выделяющим тот или иной персонаж. Видимо, это лишь способ показать лучезарность всех персонажей.

В качестве наиболее близкого и полно сохранившегося аналога центральному лику курильницы пока можно привести лишь одно наскальное изображение – с Шалаболинской писаницы (рис. 4.-5). Но

оно само довольно своеобразно и недостаточно для идентификации образа. Важной частью лика на курильнице является какой-то вертикальный стержень или столб, показанный между рогов. Изображение столба, иногда очень детального, в наголовье – лика с рогами быка типично для ряда столбообразных стел окуневской культуры [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, №36, 86, 110, 111, 288 и др.; Есин, 2010, рис. 7.-4]. Этот лик всегда является центром композиции на узкой грани таких стел. Не исключено, что на курильнице мы имеем стилистически ранний вариант изображения этого образа.

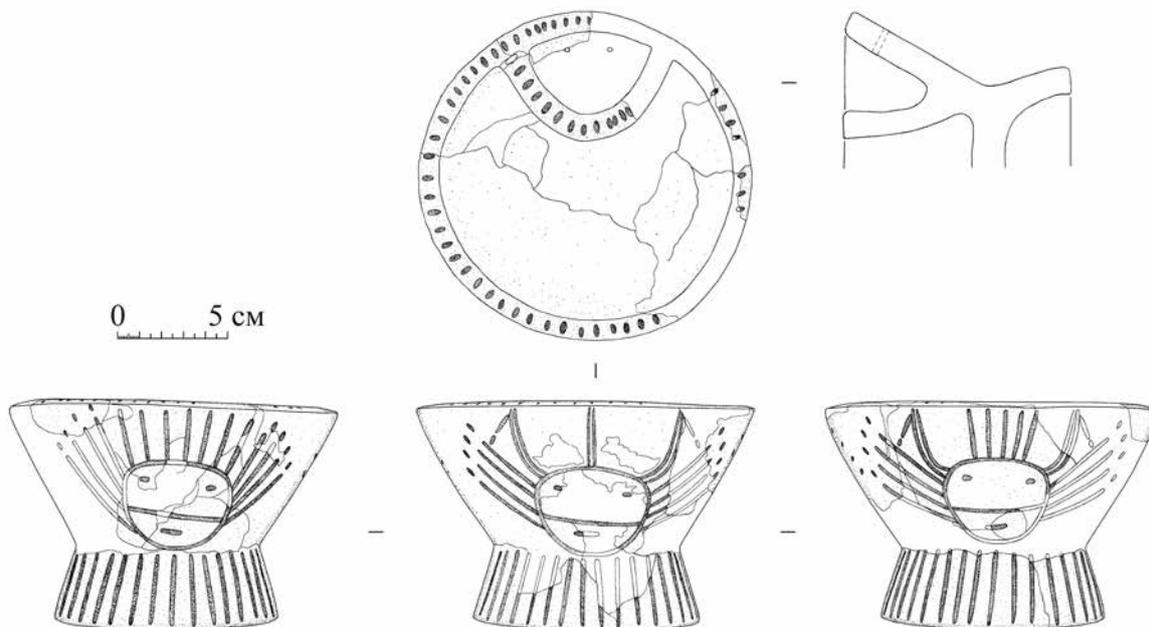

Рис. 3. Реконструкция курильницы

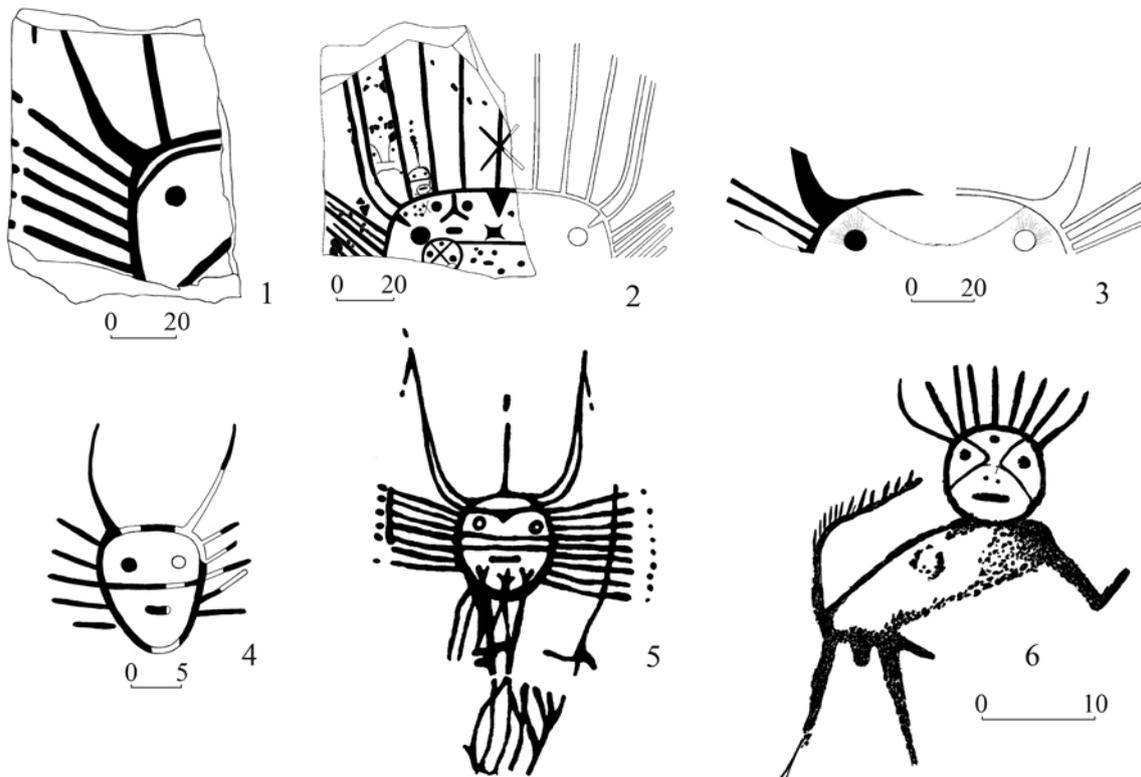

Рис. 4. Антропоморфные изображения с большим числом лучей на голове и рогами быка в окуневском искусстве Минусинской котловины: 1 – Итколь-II, курган №12, могила 10; 2 – Ширинский район Хакасии; 3 – Тас-Хазаа; 4 – Большое кольцо, могила 3-К; 5 – Шалаболинская писаница [Пяткин, Мартынов, 1985, табл. 39.-4]; 6 – Пора-тигей

У второго персонажа с рогами на голове прочерчено пять лучей. В рамках композиции важно, что этих лучей меньше, чем у «солнцеголового» персонажа в левой части композиции. Выстроенную по горизонтали трехчастную композицию на курильнице можно сравнить с представлениями о трех ключевых частях пространства, которые находили иное воплощение в материалах окуневской культуры. Например, такая организация пространства хорошо прослеживается в планиграфии окуневских курганов и святилищ, где четко отмечены и противопоставлены восток и запад, выделен центр. В этом контексте левый лик с максимальным количеством лучей можно соотнести с востоком, восходом солнца, светом, а правый – с западом, закатом, ночью. Не исключено, что левый лик может быть связан с дневным светилом, а правый, противопоставленный ему по наличию рогов быка и меньшему количеству лучей, – с ночным светилом. Любопытной параллелью правому лику является фигура мужского мифического персонажа, сочетающая признаки человека и хищного зверя, вырезанная и выбитая на сопке Пора-тигей в нескольких километрах от могильника Итколь-II (рис. 4.-6). У этого, видимо, несколько более позднего изображения иная внутренняя структура лика, но очень близкое наголовье, сочетающее рога быка и лучи. Лучей при этом семь, т.е. больше, чем между рогов у правого лика с курильницы. Однако число тех или иных изобразительных элементов вне конкретных композиций не имеет большого значения для идентификации персонажей. В окуневском искусстве использовался ограниченный набор «сакральных» чисел, связанных с календарем. Часто одни и те же числа используются при создании изображений разных персонажей.

Прагматика. Изображения нанесены на сосуде, ритуальная функция которого в общих чертах в настоящее время уже понятна: это был переносной алтарь, в котором сжигались приношения для божеств [Есин, 2010, с. 67]. Поэтому, с точки зрения прагматики, лики на стенках чаши являются образами тех персонажей окуневских мифов, для обращения к которым использовался этот переносной алтарь. С этих позиций можно рассматривать и количество элементов декора сосуда. Они понятны и важны именно в обрядовом контексте, так как проведение ритуалов тесно связано с календарем и природной цикличностью, задаваемой движением солнца и луны. Вообще курильницы, очевидно, использовались в ритуалах, связанных с разными персонажами ритуально-мифологической системы окуневцев. Но, по всей видимости, иногда их могли создавать и для какого-то конкретного обряда, подобно стелам. Возможно, именно на таких ритуальных чашах встречаются образы тех или иных божеств. Первой находкой курильницы такого рода были фрагменты с женской фигурой с р. Сыда [Леонтьев, 2002, рис. 1.-1]. В пользу предлагаемой гипотезы свидетельствует также то, что курильница из кургана №12 могильника Итколь-II использовалась короткое время, так как не имеет значительных следов горения внутри чаши.

Параллели на других территориях Азии. За пределами Минусинской котловины определенные параллели найденным изображениям имеются в искусстве каракольской культуры Алтая. Среди общих признаков можно перечислить двухъярусность лика, два глаза, наголовье из лучей, сочетание лучей с рогами быка. Среди росписей на плитах гробниц каракольской культуры имеются и сопоставимые по принципам построения трехчастные композиции [Кубарев, 2009, рис. 13.-4; 88]. Этот факт немаловажен для изучения проблемы внешних связей окуневской культуры. Стоит особо отметить, что отмеченные связи демонстрируют изображения именно раннеокуневской группы.

Библиографический список

- Есин Ю.Н. «Солнцеголовые» изображения в раннеокуневском искусстве Минусинской котловины // Тропою тысячелетий: К юбилею М.А. Дзвлет. Кемерово, 2008. С. 81–98.
- Есин Ю.Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 53–73.
- Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009.
- Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине р. Уйбат // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 19–64.
- Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006.
- Леонтьев С.Н. Изображение матери-прародительницы на курильнице окуневской культуры из Новой Сыды // Вестник САИПИ. 2002. Вып. 5. С. 34–36.
- Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск, 1985.
- Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2009. Вып. 5. С. 20–56.